

Читатель читателю

ДИЛЕММА ДЛЯ АЛЬХАРИЗИ

СЕМЕН ПАРИЖСКИЙ

Русского перевода «Тахкемони» Йеуды Альхаризи¹ (аль-Харизи) ждали с нетерпением уже очень давно по целому ряду причин. Занимая свое место в «еврейском книжном шкафу», этот литературный памятник заполняет зияющую пустоту в разделе «средневековая художественная проза». Когда на русском языке впервые вышли произведения Ш.-Й. Агнона, автор предисловия Израэль Шамир уподобил их «тому, что написали бы евреи, современники Данте и Сервантеса, если бы они писали светскую прозу». Теперь, спустя более чем 20 лет, русскоязычный читатель наконец сможет обоснованно не доверять этой спекуляции. Средневековые евреи не просто писали светскую прозу на иврите, они впервые отвоевали в еврейской словесности достойное место для *fiction* — повествования, основанного на художественном вымысле. И то, что издательство «Книжники» начало заполнять пробел между религиозными текстами и современной «прозой еврейской жизни», является важнейшим «сдвигом парадигмы».

Благодаря своим уникальным жанровым характеристикам средневековое еврейское *fiction* может вызвать в России не только узкоспециальный историко-литературный интерес, но и широкий читательский

отклик. «Тахкемони» — это сборник небольших рассказов, построенный по принципу современных сериалов: в каждой главе рассказывается отдельная законченная история, а объединяются они все только общими персонажами.

Рассказы относятся к жанру макамы, заимствованному еврейскими авторами у арабских классиков — аль-Хамадани (X век) и аль-Харири (XII век). Арабская макама оказала влияние на многие иноязычные литературные традиции, существовавшие в рамках арабо-мусульманского мира: персидскую, сирийскую, хинди, малайскую. Однако ее влияние на средневековую еврейскую литературу оказалось наиболее плодотворным (по крайней мере, по количеству произведений в этом жанре). Главная особенность макамы — это синтез повествовательной прозы, риторики и поэзии. Макамы на иврите, помимо синкретичности, унаследованной от арабского «прародителя», обладают дополнительной степенью «смешения» из-за сочетания библейской лексики и фразеологии с арабской литературной формой.

Сам по себе состав сборника «Тахкемони», совмещающего поэтический диван Альхаризи, авантюрные повествования, риторические экзерсисы, макаронические тексты и автобиографические анекдоты, является кульминацией эволюции еврейской словесности по пути «гибридизации», преодоления конвен-

1. Йехуда Альхаризи. Тахкемони: еврейские средневековые плутовские новеллы / Пер. с иврита В. Лазариса. М.: Текст; Книжники, 2013 (серия «Чейсовская коллекция»).

Реконструкция карты арабского картографа аль-Идриси (современника Альхаризи), составленной для сицилийского короля Рожера II в 1154 году. Север на ней помещен внизу, а Африка — сверху.
Национальная библиотека Франции

циональных рамок, отделявших поэзию от прозы, науку от изящной словесности, арабский от иврита, сакральное от светского, достоверную традицию от авторского вымысла. Изобилие, «многозначность» и «многогость» вошедшего в «Тахкемони» материала не порождают дурной эклектики, поскольку подчинены единой сверхзадаче: демонстрации возможностей иврита и еврейского красноречия. Не случайно сущностный для макамы юмористический, развлекательный элемент реализуется у Альхаризи не столько в повествовательных формах, сколько в языковой игре, прежде всего через остроумное совмещение сакрального и профанного регистров.

Не менее важно и то, что благодаря изданию «Тахкемони» русскоязычному читателю впервые пред-

ставлена яркая фигура «культурного героя» — двуязычного писателя и переводчика Йеуды Альхаризи, творившего на перекрестке еврейской и арабской литератур. Многие макамы имеют автобиографический характер и отражают реальный опыт странствий автора по городам Востока. Надо сказать, что сама личность Альхаризи — неприкаянного бродячего поэта с экстравагантной внешностью, зарабатывающего на жизнь красноречием и зачастую вынужденного прибегать к хитростям и уловкам² — соответствовала конвенциональным характеристикам героя макамы, так что автобиографический фон весьма органично вплетается в вымышленное повествование.

Издание «Тахкемони» как литературного памятника возлагает осо-

2. Странствуя по городам Ближнего Востока, Альхаризи часто посвящал одно и то же сочинение разным людям, надеясь от каждого из них получить гонорар. В частности, «Тахкемони» он таким образом пытался «продать» целиком или по частям не менее чем пяти разным меценатам, зачастую меняя в угоду клиенту не только посвящение и предисловие, но и фрагменты основного текста. Из-за этого ситуация с рукописями «Тахкемони» оказалась чрезвычайно запутанной.

бую ответственность на переводчика, поскольку этой книге суждено, по-видимому, на многие десятилетия стать единственными для русскоязычного читателя «воротами» в мир средневековой художественной прозы на иврите. То, как Владимир Лазарис распорядился этой ответственностью, нельзя оценить однозначно. С одной стороны, он перевел объемную книгу, эстетический эффект которой почти целиком основан на языковой игре, продемонстрировав невероятную работоспособность и талант. С другой — во многих местах переводчик все-таки упростил себе жизнь и «срезал углы».

Вот несколько наиболее очевидных примеров: в оригинале все авторское вступление к сборнику и первая макома построены на персонализации языка иврит в качестве «падшей» женщины, которую автор «спасает» и с которой сочетается своего рода мистическим браком. В переводе весь этот аллегорический сюжет разваливается из-за того, что переводчик использует слово «язык» в мужском роде. Похожая гендерная подмена происходит и в четвертой

макаме, где сексуальные похождения самца блохи описываются через «коллаж» цитат из Священного Писания (мой дословный перевод):

Зачастую прячется он у девушек
Под разноцветной одеждой,
вышитой с разных сторон³,
И идет от чресл до голеней⁴,
И делает ложем своим утробу
и две утробы⁵,
И ложится между протоками вод⁶,
и прячется у них между грудей,
и нарекает имя месту тому

«Два стана»⁷.

И если встретит молодую девицу
Или замужнюю женщину,
То возжелает ее и возляжет с ней⁸,
Пока от проделок его не возвысит голос.
И закричит девица, но некому
спасти ее⁹.

А если спросят ее: «Что ты плачешь¹⁰
и почему не спокойна?»

Она отвечает: «Пришел ко мне
раб-эфиоп¹¹

И возлег на лоне моем.

Друг мой для меня — пучок мирры,
что ночует между грудями
моими¹²,

Ночью доставляет мне мучения¹³,

3. Суд., 5:30: «Верно, они нашли, делят добычу, по утробе, по две утробы на каждого воина, в добычу полученная разноцветная одежда Сисаре, полученная в добычу разноцветная одежда, вышитая с обеих сторон, снятая с плеч пленника».

4. Исх., 28:42: «И сделай им нижнее платье льняное, для прикрытия телесной наготы от чресл до голеней».

5. См. прим. 3.

6. Быт., 49:14: «Иссахар осел крепкий, лежащий между протоками вод».

7. Там же, 32:2: «И сказал Яаков, когда увидел ангелов: это стан Б-жий. И нарек имя месту тому Маханаим (Два стана)».

8. Втор., 22:28: «Если встретит кто молодую девицу, которая не обручена, и схватит ее, и ляжет с нею, и застанут их...»

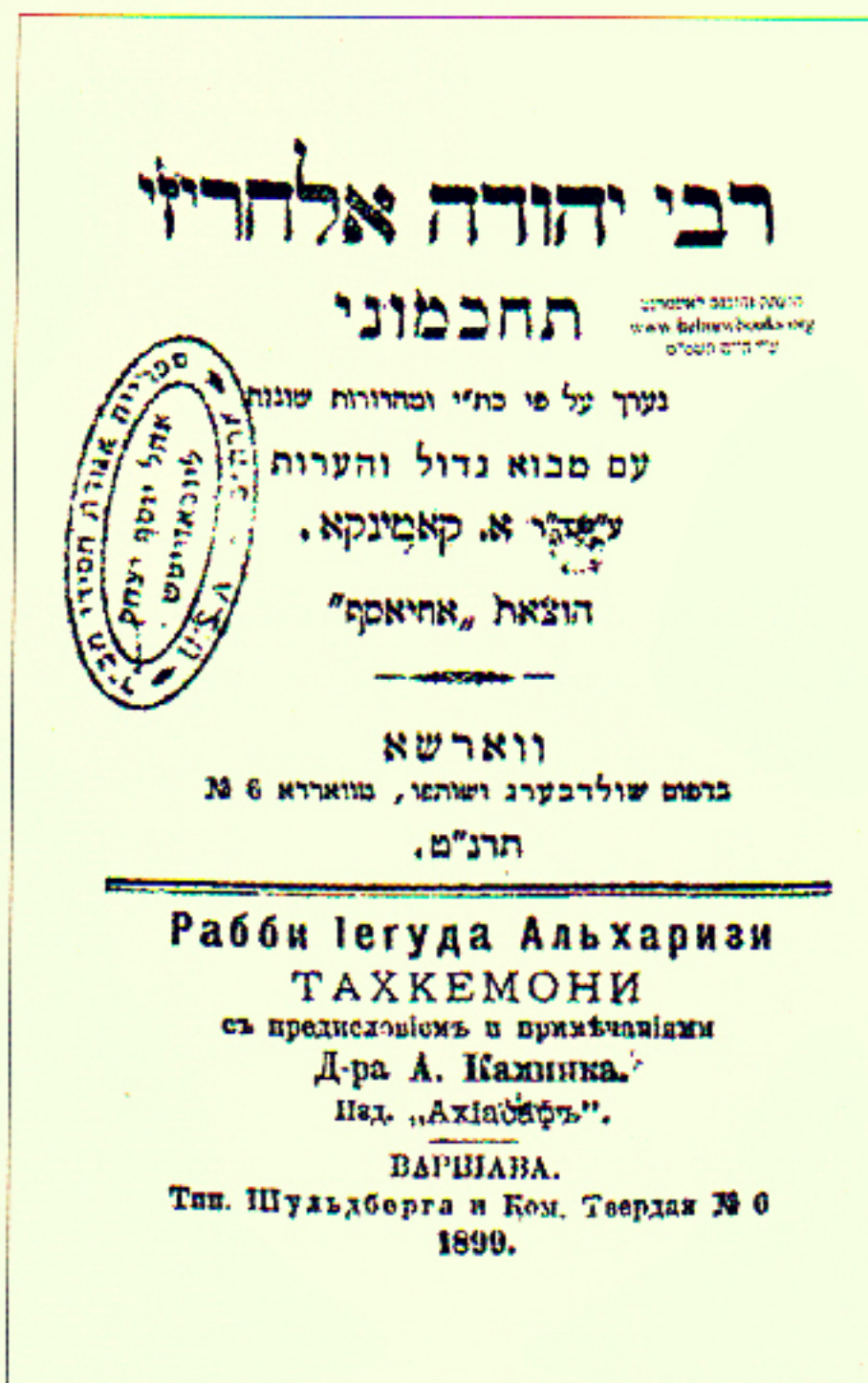
9. Там же, 22:27: «Ибо он в поле встретил ее, кричала девица обрученная, но некому было спасти ее».

10. 1 Цар., 1:8: «Хана! Что ты плачешь, и почему не ешь, и от чего скорбит сердце твое?»

11. Быт., 39:17: «Пришел ко мне раб-еврей, которого ты привел к нам, посмеяться надо мной».

12. Песнь Песней, 1:13: «Друг мой для меня — пучок мирры, что ночует меж грудями моими».

13. Ис., 50:11: «Вот, все вы, которые возжигаете огонь, вооруженные зажигательными стрелами, — идите в пламень огня вашего и

Титульный лист книги «Тажкемони» Йеуды Альхаризи с предисловием и примечаниями А. Камника. Варшава: Ахиасаф, 1899

Избрал в оплот и в жилище себе¹⁴
Плечо, челюсти и желудок¹⁵,
И берет свою долю — грудь потрясения
и бедро возношения¹⁶.

В переводе Лазариса блоха — женского рода, так что весь юмористический эффект теряется (или приобретает гомоэротический оттенок).

Некоторые сложные для перевода фрагменты оригинала переводчик просто пропускает. Например, в 21-й макаме («Как Хевер а-Кейни араба обдурил и обед на дармовщинку получил») один из самых эффектных

стрел, раскаленных вами! Это будет вам от руки Моей; в мучении умрете [букв. «ляжете»]

14. Пс., 132:13: «Ибо избрал Г-сподь Сион, возжелал его в жилище Себе».

15. Втор., 18:3: «Вот что должно быть положено священникам от народа, от приносящих в жертву волов или овец: должно отдавать священнику плечо, челюсти и желудок».

16. Лев., 7:34: «Ибо Я беру от сынов Израилевых из мирных жертв их грудь потрясения и плечо возношения, и отдаю их Аарону священнику и сынам его в вечный участок от сынов Израилевых».

моментов — это развернутое описание шашлыка цитатами из Торы и Пророков (прозрачные кусочки жира, например, описываются словами из Исх., 24:10: «и видели Б-га Израилева; и под ногами Его нечто подобное работе из чистого сапфира и, как самое небо, ясное»). В переводе не только пропадают библейские аллюзии, но и объем текста сокращается почти втрое.

Другой пример весьма спорного переводческого решения — использование латыни в переводе трехязычного стихотворения из 11-й макамы. В оригинале Альхаризи вставляет в повествование искусное стихотворение на иврите, арабском и арамейском языках. В переводе Лазариса иврит передан русским, арабский — транслитерацией, а арамейский — латынью. Все бы ничего, но сразу после стихотворения идет рассуждение о неразрывном родстве трех семитских языков: «Вот вам поэма на трех языках, которых не разнять, / и эту строенную нить уже нельзя порвать...» Прочитав перед этим стихотворение на русском, арабском и латыни, едва ли можно понять, о каком родстве идет речь.

Встречаются в переводе и анахронизмы. Например, рассказчик в 21-й макаме у Лазариса выходит «из кофейни», хотя кофе появляется на Ближнем Востоке только через много столетий после Альхаризи.

Йеуда Альхаризи сам был одним из лучших средневековых переводчиков (его перу принадлежит ивритская версия макама аль-Харири и трактатов Маймонида). Интересно, как бы Альхаризи-переводчик решил вопрос, на который у нас нет ответа: что лучше — дать читателю не самый совершенный перевод литературного памятника, который может помешать оценить его по достоинству, или же оставить еще на много лет без всякого знакомства с великой книгой в ожидании такого перевода, которого она заслуживает? ❗